

Наши интервью

НА ВЕТРАХ ИСТОРИИ

Николай Вирта рассказывает о своих книгах,

о творчестве, о молодежи

В творчестве известного советского писателя Н. Вирты бросается в глаза одна особенность: герои его произведений действуют, как правило, в сложных условиях общественных потрясений. Этим предопределяется и драматизм судеб, и глубина проникновения в жизненный материал. Таковы книги его знаменитой трилогии: «Одиночество», «Закономерность», «Вечерний звон», таковы его повести, драмы, сценарии для кино.

И вот — встреча в редакции нашей газеты. Он оказался совсем простым, доверительным и обаятельным собеседником, лишенным того налета загадочности, который, кажется, неотделим от слова «маститый». Он просто рассказывал о жизни, о встречах со многими людьми. Это целая историческая галерея: писатели, режиссеры, артисты, ставшие гордостью нашей культуры; политические деятели, военачальники. Будучи военным корреспондентом, Н. Вирта находился в группе, пленившей фашистского фельдмаршала Паулюса. Но писатель есть писатель. И мы ведем беседу о главном для него — литературе.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Николай Евгеньевич, прежде всего нас интересует, что привело вас в нашу республику, каковы ваши впечатления?

ВИРТА: — Первый раз я был в Таджикистане в 1942 году, тогда же на небольшом самолете слетал в Хорог. И вот — новые встречи с вашей республикой. В мае-июне здесь проводился семинар драматургов Средней Азии и Казахстана, в котором я принимал участие.

Во время этого семинара я узнал, что ваш театр драмы имени Маяковского открывал свой первый сезон в 1937 году моей пьесой «Земля». Мне было очень приятно слышать это. Я предложил театру свою новую пьесу «Призраки еще живут», которая и идет сейчас на его сцене. Постановке предшествовала длительная работа. Ведь одно дело написать пьесу, другое — поставить на сцене. Для того, чтобы было больше наше взаимное влияние — драматурга на актеров и актеров на драматурга — я ежедневно бывал в театре. Так было и во МХАТе, когда ставили «Землю». Я был рядом с Леонидом Мироновичем Леонидовым, народным артистом СССР, и с Николаем Михайловичем Горчаковым, постановщиком этой пьесы, потом с Завадским, когда он ставил «Дали неоглядные».

Все эти «сидения» дают прекрасные плоды. При возможности я всегда участвую в создании спектакля. И в данном случае, по-моему, наша «троица» — постановщик Н. Савин, режиссер Ф. Ташмухамедов и я — спектакль сделала.

Во время работы семинара, о

котором я уже говорил, возникла идея к 50-летию образования СССР издать пьесы национальных драматургов для русских театров. Мне поручили подготовить сборник таджикских драматургов. Сюда войдут пьесы виднейших таджикских драматургов. Работа эта была сложная, не было переводов, подстрочников, две пьесы мне пришлось перевести самому. До сих пор процесс подготовки идет. Думаю, что в конце декабря — в начале января он будет готов. Это — вторая причина, почему я сюда приехал. Третья причина, не менее сложная и ответственная. Тогда же, в июне, я принял предложение киностудии «Таджикфильм» сделать сценарий совместно с Гани Абдулло о революции в Бухаре в 1920-м году.

Как будет решаться фильм? Ведь сама эпоха, восточный колорит волей-неволей могут подтолкнуть драматурга к описанию этого вынужденного, с точки зрения экзотики, зрелищности, материала?

— В силу того, что на эту тему уже поставлено три фильма и написано несколько пьес, мы решили подойти к ней совершенно иначе. Ну, скажем, во всем сценарии, а стало быть и в фильме, будет всего один выстрел — и то частного лица. Никаких боев, никаких сражений, никаких «ура», ни эмира, ни его гарема, ни его правительства. Здесь идет схватка политическая и психологическая группы людей, у каждого из которых есть своя философия и своя точка зрения на будущее Бухары. В сценарии нет ни одного глупого человека, глупого или неадекватного какими-то очень серьезными мыслями. Каждый из действующих лиц — а их восемь человек — есть личность, во-первых, со своей личной жизнью и, как я сказал, со своими взглядами.

Были выдающиеся люди, участвовавшие в этой революции. Для того, чтобы нас не упрекали, что тот не ездил туда-то, другой не говорил того-то, третий не делал этого, мы дали всем героям вымышленные имена. Но близкие к настоящим.

Сценарий готов?

— Да, сценарий уже написан. Но нужно время, чтобы он немножечко «отлежался».

То, что вы рассказываете, очень интересно. Но мне хотелось бы вернуться к вашей пьесе, идущей сейчас на сцене нашего театра. Ряд персонажей в ней — молодые люди, отстаивающие нашу, социалистическую мораль, наши идеи. Тема молодежи не раз встречается в ваших произведениях. Нашим читателям будет небезынтересно узнать вашу точку зрения на молодежь, на проблемы, связанные с ней.

— Для меня тема эта важная и как для писателя, и как для человека. Не буду говорить о той молодежи, которая строит

заводы и фабрики, работает в науке, отгрызает кладовые недры — то есть о молодежи деятельной, целеустремленной. К сожалению, есть и такие молодые люди, которые сделали своим знаменем — потребительство. Потребительство в том плане, что, требуя для себя все, они не хотят давать всего обществу. Скоро у меня выходит повторно роман «Закономерность». Герои его — молодые люди, у которых — высокие цели, благородные помыслы.

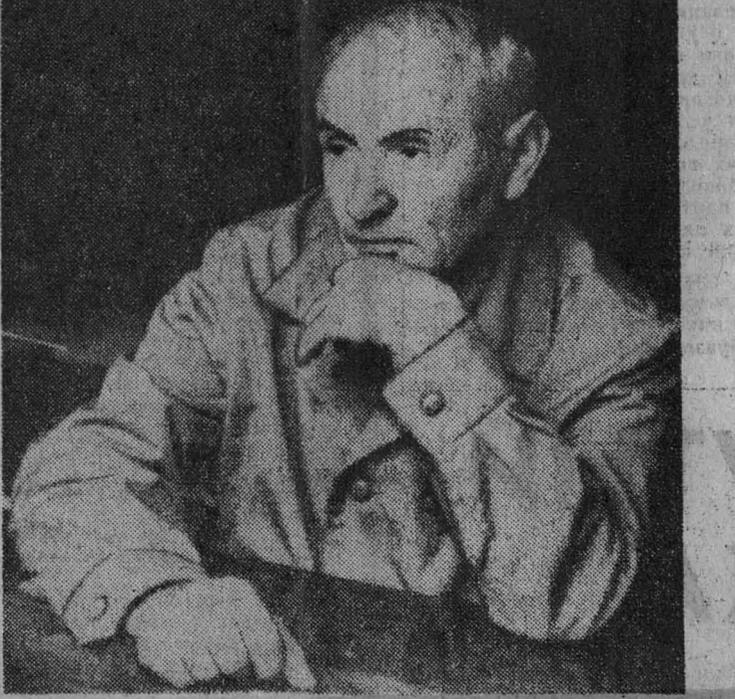
Думаю, что когда эта книжка выйдет — а она должна выйти в марте, — она должна произвести известное впечатление на молодежь. Дело в том, что у нас, а я пишу о тех ребятах, которые меня окружали, были большие идеалы, у нас были чудесные отношения с девушками, мы охраняли их целомудрие, и любовь была какая-то очень целомудренная, высокая, красивая, нежная, чего к сожалению, часто сейчас не замечаешь у некоторой части молодого поколения.

У меня написана также повесть «В эфире — Комар». Это история девушки, которая в 17 лет попала в разведывательную школу и, закончив ее, была заброшена в тыл к немцам в район Кракова. Девушка была связана с советским разведчиком Безрезником, известным по фильму «Майор Вихрь». Но это — вторая часть ее жизни, лежащая за пределами моей повести. История о Лизе Вологодской — так звали эту девушку, подпольная кличка — «Комар», — это тоже интересный пример для нашей молодежи. Человек всецело отдавал себя работе, у него была какой-то огромной силы внутренняя убежденность. Девушка не только доставляла ценную информацию для фронта, рискуя каждую минуту сво-

— это два совершенно разных человека. Я в своей жизни — обыкновенный человек, у которого есть свои вкусы, свои привязанности и так далее, и так далее. А когда этот человек пишет, он совершенно абстрагируется от всего. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь во время творческого процесса фотографировал меня, мне хочется увидеть выражение лица, глаза этого человека именно в этот момент — ведь они зеркало души. Повторяю, я сам лично не могу ответить на этот вопрос. Допустим, то же «Одиночество». Тема его — антоновский мятеж в Тамбовской области. Я подростком жил в деревне, энциентр находился в пятнадцати километрах от нашего дома. События тех лет прокатились через мою голову. И лишь много лет спустя, находясь в санатории, куда я получил путевку за очерк о метростроевцах, я в кругу друзей рассказал эту давнюю историю. Мне посоветовал один мой новый товарищ, ставший потом моим другом, записать ее. Так появился роман «Одиночество». Но как родилась первая фраза и почему эта — объяснить тоже не могу.

Николай Евгеньевич, последний вопрос — весьма традиционный, так сказать, с небольшим отклонением. Что имеется еще у вас в писательском «портфеле», над чем вы работаете сейчас?

— Та повесть, которую вы сейчас печатаете в своей газете, является выжимкой из большой книги, посвященной мрачному периоду в истории немецкого народа, — приходу к власти нацистов, краху гитлеризма. Книга называется «Длинная, черная, страшная ночь». Замысел ее родился во время написания повести о Паулюсе. Я познакомился со мно-

ей жизнью. Она сумела завербовать заместителя начальника краковской контрразведки, старшего лейтенанта Гуго Вартамана.

Повесть выйдет в следующем году в издательстве «Московский рабочий».

Николай Евгеньевич! Не трудно заметить, что герои ваших книг действуют на переломных этапах истории, в вихрях событий и социальных изменений. Скажите, осознанный ли такой выбор или нет? Как вы подошли к теме «Одиночества» и других книг?

— По-моему, это необъяснимо, как и необъясним сам процесс творчества. Я совершенно не знаю, как это делается, и никто вам из писателей этого не объяснит. Тот человек, с которым вы сейчас разговариваете, и тот, который пишет

гими архивными документами, просмотрел хронику «великого рейха», встречался со многими людьми.

А сейчас я работаю над второй частью книги «Одиночество». Случилось так, что судьба главного героя книги — Петра Ивановича Сторожева и автора причудливым образом переплелись. Случай в литературе — взаимодействие героя книги и писателя — сам по себе уникальный, причем, происходит все это на фоне значительных исторических событий.

Мне предстоит написать глубоко психологическую драму, когда человек от отрицания Советской власти пришел к ее признанию. Трудно поверить, что это так, но это так. Этой книгой я нынче живу.

В. ЛЫСЕНКОВ.